

18+

АЛЕКСЕЙ КАРАВАНОВ

ФЛОРА И РАЗНЫЕ ИСТОРИИ

Алексей Караванов
Флора и разные истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70097149

ISBN 9785006098879

Аннотация

Сборник из одной повести и семи рассказов. Написано в те времена, которые уже не вернуть. Годы создания рукописей: 2011–2015.

Содержание

Лара 5206	5
1	5
2	13
3	21
4	27
5	33
6	35
7	40
8	44
9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Флора и разные истории

Алексей Караванов

© Алексей Караванов, 2026

ISBN 978-5-0060-9887-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лара 5206

1

Мотор вдали всё дребезжал и дребезжал, почти неслышимо нарушая покой. Похоже, ночь работала от этого далёкого мотора и только поэтому удерживала темноту. Скривившиеся фонари светили жёлтым светом, указывая, куда ступать. Небольшой броненосец, ещё подросточек, перебежал дорогу, напугав Лару. Она остановилась у фонаря, подождала, пока хвост зверька совсем скроется во тьме; пошла дальше, и её тень то удлинялась, то исчезала в неосвещённых участках, как перепрыгивала с островка света на островок.

Под одним из среднерослых деревьев, посаженных ещё отцами и дедами нынешних жителей посёлка, спал путник. Втянутая в рубище голова, накрытая шляпой. Рядом рюкзак, пыльный и бесформенный.

Лара медленно прошла мимо, стараясь не шуршать и опасаясь, что сердце путника почувствует её. Было тихо, словно всё в мире оцепенело и не дышит. Она отходила, повернув голову, не уводя взгляда, пока не убедилась, что отошла от спящего на несколько десятков шагов. Теперь можно идти спокойнее, шурша одеждой.

Но дорога продолжала пугать: чуть дальше, в кювете,

она увидела разбившийся улей. Похожий на шар, серый. Там, в невзорвавшейся бомбе, могли быть разъярённые осы. С опаской подойдя ближе, она поняла, что в темноте зрение обмануло её и это был всего лишь треснувший арбуз.

Ларина дрожь передалась какой-то дремлющей птице, которая, проснувшись, встрепенулась и поцарапала тишину крыльями.

Человек под деревом и разбитый арбуз нарисовали картину: бродяга хотел переночевать в посёлке, но его прогнали. Кто-то сострадающий, немного сопротивляясь сам себе, принёс ему арбуз. Но брезгливость и желание солидарности со всеми, прогнавшими бродягу, восторжествовали: в последний момент арбуз швырнули так, что он разбился.

Ведомый жалостью вернулся в посёлок, куда и направлялась сейчас Лара, возможно, ступая по неуверенным следам этого человека.

Она старалась глубже вдыхать прохладу ночного воздуха, чтобы набраться сил переносить дневную жару.

На короткое мгновение у одного из деревьев, провожавших Лару взмахами ветвей, появился белый лист. И если бы он не оказался миражом, то прожил бы дольше. Но мгновение ушло, и он исчез навсегда.

У центрального входа гнили листья и сучья, – их сваливали кучами, засыпая отходы посёлка. Что происходило на расстоянии метра от забора, жителей не волновало.

Лара пошла не по кратчайшему пути, а делала крюк – хо-

тела увидеть дом Эрла.

Она прошла мимо пустых и ждущих рабочего часа ремонтных гаражей. Эвакуаторы и небольшие тягачи стояли у ворот, будто сторожевые псы. Из-под её ноги прыгнул от нажима и покатился камешек. Капли воды из кондиционеров выстукивали по оставленным во дворах мискам.

Дом Эрла располагался на улице ремонтников, на самом краю посёлка, за которым продолжалось безграничное пространство и открывалась вечная пустошь.

Лара помнила, что в его доме рано просыпаются. И не ошиблась – в одном окне горел свет.

Она подкралась, стала под ветвями, где, как ей казалось, её не увидят, и приподнялась на цыпочки, заглядывая в окно. Над окном тянулась пластиковая гофра, защищающая провода от мышиных зубов.

Две сестры Эрла красовались друг перед другом пёстрыми нарядами. Всем ведь хочется яркой одежды. Самого Эрла Лара не видела. Наверное, ещё не оделся. Одна из сестёр, та, что младше, крутилась перед старшей, и длинная сборчатая юбка завертелась, стала прозрачной юлой. Календарь на стене показывал вчерашнюю дату – не успели сорвать. Стол с салатом, фруктами, компотом, и гроздьё винограда, и тёмные, похожие на гальку сливы. Чайник дымил на раскалённой электроплите. Собирались есть, вот и подходят к столу. Осталось Эрла дожидаться, увидеть, как он выйдет к трапезе. Две девушки стали у стола, но смотрели в окно, прямо

на Лару.

От испуга она зажмурилась, и мир погрузился во тьму. Она попятилась, словно уплотняя завесу между собой и окном. Открыла глаза – свет в окне, но – никого. Тот же стол с фруктами, календарь, чайник парит. Лара отвернулась и, вдавив голову в воротник, побрела к себе домой.

– Лара, – раздался позади зов, пробивая темноту, в которую она пряталась от сестёр Эрла.

Лара вздрогнула.

– Эй.

Она остановилась и выпрямилась со спокойствием. Звала её подруга Лара.

Лара подошла к Ларе.

– Привет. Ты ранняя пташка, – сказала подошедшая.

– Я? – слабым голосом отозвалась Лара. Она оглянулась – нет ли позади сестёр Эрла, и глубоко вздохнула.

– Что с тобой? – спросила Лара.

– Со мной? – спросила её в ответ Лара. Она никак не могла успокоиться. Ей всё представлялось, что сёстры Эрла, как фурии, преследуют её.

– Ты чего так напугана? – Лара нашла ладони Лары и сжала их.

– Да ничего, ничего, – Лара встряхнула волосами. – Напугана? Там... Там на дороге человек лежит.

– Где? – обернулась Лара.

– На дороге к посёлку, на межпосёлочном пути.

– Убитый? – с интересом спросила Лара.

– Нет, вроде спит, – сказала Лара и задумалась: а вдруг и вправду мёртвый. – Иду с работы домой, – сказала она.

– Да, а я наоборот – на работу. Нам зарплату повысили.

– Хорошо, – без интереса сказала Лара.

– Уже второй раз за год.

– Нам ещё нет, – сказала Лара, печально вздохнув.

– Правильно вот. Переходи к нам.

– Не могу, – сказала Лара, – мне не нравится, никак ты не понимаешь. Я так жить не могу.

– Ты всё своё. Жить нужно, но и эффективность повышать нужно. Понимаешь? Хорошо, когда это всё вместе.

– Знаю я, – сказала Лара.

– Нужно не знать, а понимать ещё, – говорила Лара, совсем не напирая на неё. – У тебя ещё четыре восемь два пять?

– Ну да, – сказала Лара и посмотрела ей в глаза.

Затем обернулась – нет ли фурий.

– Нужно ещё тысячу сверху. До конца года.

– В этом году вряд ли.

– Вот поэтому и нужно переходить к нам, работать в день, – по-наставнически говорила Лара.

– Жарко, – сказала Лара.

– Зато денег больше можно скопить. Если не сейчас, то в старости ты будешь прибавлять не тысячу, а четыреста, а то и триста. Три года будут идти за один сейчасний. Все рабо-

тают в день.

– Знаю я.

– И я, – кивнула Лара, – и ещё понимаю.

– Ладно, я подумаю, решу... – сказала Лара, только чтобы отцепилась эта навязчивая тема. – А когда переведут к нам новеньких? Хотелось бы увидеть этих ивлевцев с севера.

– Не знаю, – прервала её подруга, недовольная безучастным тоном Лары. – Если не будешь думать о будущем, то повторится, как с матерью твоей.

– Да. Я поняла.

Лара пошла дальше. От злости, вызванной упоминанием матери, она перестала бояться фурий. Она вкладывала озлобленность в каждый шаг, в поворот ключа, нажим на ручку и хлопок дверью.

Следы мокрые, заметила она. Как странно: так злилась, что лужу не заметила. Почему, когда дождя нет?

Она посмотрелась в зеркало. Неизвестно откуда, но на зеркале появились бледные маленькие кружочки, как отпечатки высохших капель. Но капать мог только кондиционер, которого у Лары не было.

Дома в посёлке были сделаны из самана и, как ей рассказывали, могли пострадать от сильных дождей. Может и неправда это, но нашествия воды она боялась.

Насыпала корм щенку. Тот повилял коротким хвостиком и принялся чавкать. Сама обойдусь сегодня без еды.

Хлеб на столе будто одиноко глядел в окно, на тусклые

приливы света. Черствел, уходила из него жизнь. Жалко. С жалости она его съела.

Рассвет приближался к её дому, и захотелось спать. Она разделась, скинула неудобную одежду и легла на кровать не укрываясь. Щенок примостился в ногах. На рассвете листья синие, а не зелёные. И что это за звуки там такие? Лара снова заладила о накоплении. Всё им на стяжательство, на деньги. Смеет о маме говорить.

Все говорили, что её мать погибла в нищете, но Лара была уверена, что её воспитательница Лия и была её матерью, хотя Лия и отрицала это. История про нищету же – глупая и неизвестно для чего придуманная. Потом Лия исчезла, когда Лара была ещё подростком, так никто и не узнал куда. Но все говорили, что она уехала на заработки и даже, возможно, ей удалось индекс эффективности увеличить. Что там хрустит? Сучья ломают за окном, что ли. Теперь Лию не найти, индекс-то изменился, а по условному имени не узнаешь, где она. Или сжимают в ладони луковичную шелуху. И мамой её как-то назвать сложно, но и не назвать – того сложнее. Как сахара полный рот жуют. И человек у дороги, всё ещё там, зря только боялась его. А вдруг и моя мама также где-то в пустоши ночует. Ты со мной купаешься или я тебя купаю? Ну, недели две. Вода режет глаза. Горело так, никому не посоветую. Или это чётки перебирают. А вдруг фурии схватили спящего бездомного. Да я только и работаю в ночную смену, что там людей меньше. Сосредоточиться бы, но трудно. Са-

мое трудное в жизни – сосредоточиться. Клонит в сон. Люблю сны яркие, когда к тебе кто-то приходит. Подойди ближе, пожалуйста. Не люблю, когда жуки пьют росу, которая скапливается за ночь на кончиках волос. А если дожди пойдут, что тогда делать? Управа защитит. Да. Или огонь потрескивает. Рука прошла сквозь подушку, уже надо мной. А когда переведут ивлевцев с севера к нам? Когда нам переведут север? Сама не понимаю. Так вот откуда шум: по заснеженному разуму кто-то идёт, и хрустит снег под ногами.

Когда солнце показалось на горизонте и открылись ремонтные ангары, она уже крепко спала. За хруст был принят обычный скрип окна, в которое толкался ветер.

2

*Трои нет. Так дозволю, чтобы с ней даже имя
исчезло.*

Вергилий, «Энеида».

Лёгкий ветерок, какой может натянуть, но не порвать паутину, задувал в открытое окно автобуса. Лара ехала в Овлино. Разваливающийся автобус был почти пуст – только она и водитель. Постоянный вид за окном, с любой точки: однообразная пустошь, которая не меняется на протяжении всего пути. Она вспомнила броненосца. Убежал ли он далеко, добрался ли до своих сородичей?

Только один разрушенный мёртвый посёлок скрашивал картину запустения. Лара слышала, что этот посёлок прогорел и Управа его ликвидировала. Что стало с жителями – никто не знал и не интересовался.

Она представила, что автобус сейчас полный, со всеми жителями посёлка, но сидит только она, а остальные стоят и плавают от жары.

Мысль сбил чёрный гриф, что-то клевавший в придорожной яме, которого Лара случайно заметила.

Птица подняла голову, посмотрела в сторону автобуса и продолжила рвать клювом падаль, остатки несчастного животного, погибшего в этой неоглядной пустоши.

Лара сосредоточилась и, пока позволял неспешный ход

автобуса, направила на птицу взгляд: взлетай, взлетай. Она мысленно пыталась приказать птице подняться в воздух. И если бы сейчас гриф взлетел по своей воле, Лара бы больше поверила в силу своего внушения. Птица быстро исчезла из обзора, так и оставшись на земле.

Овлино Лара не узнала с первого взгляда. Она была тут давно, когда Лия ездила за необходимыми инструментами. Но несколько торговых лавочек остались позади, и реальность подкинула то новое, чего недоставало памяти и воображению. Осведомляясь по пути у прохожих, Лара довольно быстро отыскала торговую лавку.

– Здравствуйте, – поприветствовала она грузного продавца, хорошо подходившего по виду тому, чем он торговал. – Мне нужен электронный помощник моторемонтника. Вроде так называется?

– Да, – отозвался продавец, как слово прикусил. – Помощник? Ну, есть.

– Современная версия, многофункциональная.

Он задумался.

– Есть, – голос продавца внезапно стал хриплым, – а вы, девушка, не бойтесь с такой покупкой по селению бродить? У нас посёлок не самый мирный.

– Нет, – сказала Лара и почувствовала, что на эту ложь, как на приманку, крадутся фурии. Но к чему задавать такие глупые вопросы?

– Я вас проводить смогу, если что, – сказал хрипун.

Лара промолчала в знак отказа.

– Полторы тысячи такое стоит.

Продавец тяжело откинулся на стул. Стул выдержал.

– Дорого...

К трём часам она успела вернуться в свой посёлок. Замок и дверь получили снисхождение относительно вчерашнего – их не ударили. Чтобы разнообразить бесконечное возвращение домой, Лара приложила руку к саманной стене и, ступая, тёрлась ладонью о шероховатую, как рашпиль, поверхность.

Руку обтёрла об юбку. Покупку спрятала под старый диван, – в её мыслях некие грабители держали пустовавший ночью дом на примете. Но прежде распаковала и полюбовалась несобранными деталями, так и просящимися дать им соединиться в электронную жизнь.

Выйдя во двор, она прикрывала дверь и запирала замок ещё тише и спокойнее.

– А ты не знаешь, почему посёлок сократили, который на пути в Овлино?

– Нет. А там посёлок какой-то? – ответил Эрл.

Они стояли у входа в ремонтный ангар. Лара встретила его около четырёх часов пополудни.

– Километрах в десяти от нас, совсем пустой, по крайней мере кажется. Кажется, когда проезжаешь мимо.

– А чего это ты там делала? Ездила в Овлино? – спросил Эрл с неподдельным удивлением.

– Нет, – снова легко обманывала Лара, – я по просьбе на-

стоятеля ездила кое-куда.

– Ясно, всё ваши имена. И кто ты сегодня, Вия или Шу-сове какая-нибудь?

– Таких имён не бывает, – сказала Лара с грустью. Прибавила печальнее: – А что, я не могу хотеть чего-то такого? Я хочу имя не такое, как у всех.

– А зачем? Вот я этого не понимаю. Имя человека не меняет. Разве всем плохо живётся? Нет. Если будешь с другим именем, значит будешь оторвышем. Не понимаю я, не по мне всё это.

– А почему тогда у городов остались их имена?

– Так у городов и посёлков не имена, а названия. Да и как знаешь, но мне тут видится детская каприза с гордыней сразу: я не такая, как все. И прочая ерунда. Это поза, поза, – спокойно дразнил он её. – У всех должны быть условные имена.

Он помолчал.

– Одиночества не боишься?

– Нет, – Лара подождала, пока он обыщет свои карманы и перестанет смотреть по сторонам. – Часто слышать стала про боязнь в последние дни. – Она призадумалась. – И чем же хороша обычная жизнь?

– Тем, что это хорошая жизнь, вестимо.

Против такой прямоты Лара не находила, чем возразить.

– Жарко.

– Сейчас, я забыл... – сказал Эрл и развернулся.

Она зачем-то пошла за ним, хотя он её не звал.

– Да, жарко, – запоздало согласился он, подходя к сараю.

Он вошёл, пригнув голову. Она прошла следом, не понимая, что повторяет его движения. Как и он, пригнулась. Ей этого не нужно было делать из-за невысокого роста.

В сарае стоял едкий запах, похожий на смесь мочи и кофе.

– Тут вонище, – сказал Эрл и подтолкнул её к выходу. Она не задумывалась, зачем он туда ходил.

Выйдя, она вскинула голову – посмотреть, какие облака живут на небе. Они с Эрлом зашли в большую подсобку, куда часто ходили работники во время обеденного перерыва. Сейчас тут никого не было. Эрл предложил Ларе чай, но она отказалась. Неприятный запах до сих пор слышался у краешка носа.

– Остальные странные, – ухмылялся Эрл и покрутил ручкой, словно в воздухе ощупал невидимую вазу, – скажем так, странные.

Он рассказывал про новеньких, привезённых из Ивлево.

– Среди всех, конечно, есть и дебилы открытые...

От печенья она не отказалась.

– Можно промокнуть в твоём чайке? Сухое, – сказала Лара.

– Да, конечно, – он поставил чашку ближе к ней. Она быстро промокнула, но печенье, перед тем как быть съеденным, капнуло рыжей каплей на пол. Чай в такую жаркую погоду почти не остывал.

Захватило дыхание от мысли: отопьёт он сразу или нет.

Отпил.

– Ты так и не прочитал? – спросила она то, что давно хотела спросить.

– Нет времени. Ты же знаешь, в каком ритме я живу. Тут не то что прочитать, иногда полежать пару минут некогда. И сегодня не прочту – все идут на праздник.

– Да, была бы у тебя электроника какая-нибудь, электронный помощник, легче бы стало.

– Ага, – немного в сторону сказал Эрл, – вот тогда и прочёл бы.

– Как там твои сёстры?

– Не видел их в последние дни.

Вот ведь странно, испугалась Лара, они же были вчера на кухне. Я не могла ошибиться домом. Да и это были они, точно они, его сёстры.

Спустя час она провожала его на праздник.

– Жарко, да. Но на праздник пойду, – к чему-то сказал Эрл.

Лара не слушала. Зной обретал почти видимую плоть, и устали даже стрелки часов, миновавшие пятую станцию.

На перекрёстке их встретила Лара.

– Привет. А ты почему не работаешь? – легко спросила Лара.

– Так праздник ведь – сокращённый день. У многих выходной, – ответила подруга.

– Ну, мы пойдём, нас уже ждут, – сказал Эрл, встав рядом

с Ларой.

– Хорошо, – вздохнула Лара.

– Может, с нами?

– Нет, храм ведь.

– Ах да. Ну, ничего. Всё равно не грусти. Все сегодня радуются.

Эрл и Лара пошли на праздник. Лара мысленно обратилась к Эрлу: уже и не нужна я тебе? Нет, вру. Соврала сегодня продавцу мотозапчастей, потом – тебе, теперь – себе. Нужна, знай, я нужна тебе.

Она вспомнила, что гриф так и не взлетел, и отвернулась от удалявшихся друзей.

Чем дальше Эрл и Лара отходили от посёлка, к праздничным палаткам и длинным накрытым столам, тем вернее в гуле моторов они могли отличить автомобильный от мотоциклетного.

– А чем они, в их церкви, отличаются от тех, кто вместо цифр использует прозвища, от дикарей? – спросил Эрл. – Вот показатель эффективности говорит об эффективности. А имя зачем?

– Не знаю. Её дело.

– Как бы не стало это не только её делом.

– Ладно, – сказала Лара и махнула рукой.

– Да, пусть. Мне тут должны привезти несколько упаковок свечей зажигания, особых. Они маленькие, меньше стандартного по ширине. И ящик шлангиков ещё...

Лара дошла до дома, где дверь и замок, благодарные за доброе обращение, ждали её с нетерпением.

В доме было скучно. Все ушли за город, на праздник всеобщего единения. Сколько ни наслаждайся лёгким предрассветным холодом – всё одно, будешь вариться в дневной жаре. Нужно отоспаться перед ночной сменой. Всё плохое пройдёт, нужно только ждать. Эрл обязательно – настанет день – поймёт, что ему нужно не общее имя, а индивидуальное. Первый крючок я забросила: пускай читает «Память героев». Дальше я как-нибудь расспрошу его о пьесах, и если он не заинтересуется сразу, то начну навязчиво рассказывать каждый день, так что свыкнется. Лара мне надоедает с переходом в дневную смену, я буду делать то же самое.

Она прижала лоб к стеклу, и стало прохладнее. Лизнула, попробовала на вкус место на пальце, которое зажило после ранки.

Завираться я начала не сегодня. Но знать, понять бы самой, почему. Вчера вот соврала Ларе, что зарплату нам не повысили.

3

С утра было очень вяло, и ветер на дворе тяжело хватал за одежду. Они сидели около его дома. Лара плохо улавливала и понимала речь Эрла, объяснявшего что-то по поводу своего индекса эффективности.

– Я внесу надбавку, может, в субботу. Если работа с новым чоппером успеется.

Лара устало кивнула.

– Ты меня слушаешь? – спросил Эрл потому, что уже какое время его слова, казалось ему, скорее доходили до стен и деревьев, чем до ушей Лары.

Она старалась взять себя в руки и бороться с усталостью, с большим трудом пыталась понимать.

– Ты слушаешь? Я рассказывал...

– Да, о празднике? – перебила она.

– Праздник хорошо прошёл. Были все. Ну, кроме некоторых.

– Выходит, не все, – она говорила урывками, так как прикусила утром язык и старалась быстро сказать, прижать к зубам кончик языка и почувствовать слабую боль.

– Нет, другие не в счёт. Ты же знаешь сама.

– Не в счёт и не надо, – она зевнула.

– Всё прошло как и в прошлый раз. Песни там какие-то пели, но мы больше на мотоциклы ходили посмотреть. Я

узнал, как один байк собрать, мне там показали. Стол большой был ещё, прямо под открытым небом. Отлично всё прошло.

Эрл задумался о том, что сказать об отличном ему, собственнo, и нечего, но сразу вспомнил, что для всех и этого хватит. Ничего больше и не нужно.

– Там такие светильники были над столом яркие, круглые, – вдруг вспомнил он и посмотрел на точку в пространстве, где бы располагался такой светильник, будь он подвешен тут. Лара посмотрела туда же. Как представляла она, обоим иллюзорно виделась лампа в их собственном доме.

– А с посёлком твоим интересней, – отклонился от воображаемого созерцания Эрл. – Вообще его ликвидировали. Управа, конечно же. Причин не было. Вчера как раз на празднике один старикан рассказывал. По законам индекса эффективности, общий для посёлка, тогда не мог быть меньше тридцати тысяч. Возможно, его сократили за низкий уровень эффективности самого посёлка.

Лара не поняла его объяснение.

– С законами шутки не шути, – добавил Эрл.

– Слушай, – сказала Лара, – а твоих сестёр как звать?

– Ларами, конечно. В ваш храм они, к счастью, не ходят.

Ну и вопросы у тебя.

Такие имена фурии не носили, подумала Лара.

– А нельзя, если, будучи, например, одним из обыкновенных жителей, общий индекс сбросить изнутри? – спросила

Лара.

– Это ты, брат, лешего хватил.

– Что? – с шутливым возмущением сказала Лара. Она поняла, что эту фразу он подхватил вчера на празднике и теперь будет её повторять, пока все друзья-знакомые не услышат её как минимум два-три раза.

– Но вот с нами это тоже может случиться, – резюмировал Эрл какую-то мысль, которую она не услышала.

– Что именно? – сказала Лара. Она сама плохо понимала, почему так устала. А почему же, попыталась догадаться она. Все фразы ронялись куда-то мимо, в окружившую её бездну рассеянности. Одна жара, к которой она быстро привыкла в этом году, так не убивает.

– Ведь новеньких десятков или больше человек, но такие показатели эффективности у них маленькие, что это только нам на плечи ложится. Эффективность ангара, где они работают, понизилась. Из-за них понизилась. Людей больше, норма больше с посёлка, но новенькие не смогут наверстать упущенное. Они еле-еле работают. И то с непривычки подымают, когда нормальные только в раж входят.

– А их откуда перевели?

– Из Ивлево. Ты что спрашиваешь, знаешь ведь сама. Ты их видела?

Лара не ответила, снова спросила:

– В Ивлево что такое, что их перевели?

– Да не знаю, не знаю, – заводился Эрл.

– Может, и само Ивлево сократили?

– Это уже, знаешь, паранойя какая-то. Зачем сокращать? Хотя, – рассуждал он сам с собой, – может, они что-то нарушили.

– А нам зачем лишняя обуза в виде пары десятков лентяев с мизерными индексами?

Тут Лара вспомнила, что сама не показывает высокую эффективность на работе.

– Не знаю, – ответил Эрл.

– Я бы поняла, если бы они были трудягами, нам в помощь. А так...

– Нет, если бы сократили, – Эрлу понравилось дискутировать самому с собой, и он смотрел куда-то на дорогу и близлежащие дома, – сократили бы весь посёлок. Не стали бы отрезать ото всех двадцать человек. Хотя их там и не двадцать, может. А если бы кого и оставили, то точно не этих экономически невыгодных работников. Не могут же они являться самыми работоспособными из Ивлево.

– Не знаю, – Лара устала говорить.

– И как узнаешь-то?

– Просто. Спросить их.

Эрл улыбнулся в одну половину лица. Просто и точно. Гениальная простота.

– Дел других много, – теперь он говорил больше Ларе, нежели самому себе. – Можно их спросить, только ведь нужно с ними пообщаться заранее, подружиться. Иначе они ни-

чего, я думаю, не скажут. Не подойдёшь же, не спросишь их ни с того ни с сего. С кем-нибудь из них нужно сдружиться. Нет времени на это. У меня всё время на работу уходит.

Лара вспомнила его рассказы о ритме жизни, и ей показалось, что она ему ответила.

– Мне по-другому никак, ты же понимаешь, что индекс у меня не особо-то высокий. Тогда чего спрашивать? Хотя у многих меньше. Но и у многих больше. – Эрл заметил, что Ларе не так интересно, как ему самому. – Ты меня слушаешь?

– Да, – ей едва хватало сил говорить. Но сосредоточиться не получилось, и она уже начинала закрывать глаза.

Разве я спрашивала что-то?

– Хорошо, я уже всё рассказал. Мне пора, скоро перерыв кончится. – Эрл махнул рукой куда-то мимо неё.

Он ушёл настраивать приборную панель мотоцикла.

Не понимаю я, почему по-другому никак. А бывает у тебя дел не много?

Она подумала, что Эрл вправду сдружится с кем-то из ивлевцев, и ей эта мысль не понравилась. Романтичные мысли: стол прямо под открытым небом. Вот бы нам вдвоём так – мы вдвоём под открытым ночным небом.

В детстве было что-то похожее. Она вспомнила, как Лия, её воспитательница, не захотела учить её ремонтному делу, а взяла в ученики мальчику, которого Лара сперва очень стеснялась, но нахождение которого рядом станови-

лось со временем приятнее и приятнее. И потом она стала счастлива, что Лия взяла этого мальчика в ученики, а не её учит. Эрл, ты забыл, наверное, всё это.

Две вещи убивают: жара и ревность.

Издали любой путешественник мог подумать, что Храм Имени зажмурил глаза: внутри окна наполовину занавесили короткими тканевыми обрезками, а снаружи приколотили несколько широких досок. Но на все окна досок не хватило. Лишь оказавшись рядом можно было разглядеть, что не многое осталось нетронутым. Кубовидный, с пробитой головой, его украшения давно растащили мародёры. Все стёкла побили, сохранился один камень. Храм не реставрировали, – настоятель был уже пожилой, а в приходе одни слабые женщины из разных посёлков – некому работать. Реставрация была нужна основательная, физически трудная. Не было и преемника, которому настоятель мог бы передать свои знания и опыт. О восстановлении храма он не думал, знал, что с концом его жизни всё и закончится.

Краска на стенах храма была совсем высохшей, облупилась, и днём он принимал цвет пустоши, к закату становился землистокожим, а с наступлением сумерек темнел, словно это человек умирал, терял живой цвет.

Иногда к настоятелю заезжал его друг, водитель автобуса, и они подолгу беседовали на простые и важные темы.

– Сегодня не твой день, – сказал настоятель, увидев, как Лара подметает ступени у входа.

– Мне тут нравится, – произнесла она, – лучше, чем в по-

сёлке.

– Там тоже неплохо, – сказал настоятель и посмотрел на солнце.

– Мне тут нравится, – повторила Лара, – только тут живёт моё имя.

– А в посёлке – нет?

– Не разрешают, все ходят с условными именами, значит и я должна.

– Сильно грустишь от этого?

Лара задумалась и тоже взглянула на солнце, но прищурившись. Настоятель понял, что нет, не сильно.

– Там всё не так чувствуешь, ощущаешь, – сказала она. – На сильные чувства и сил нет.

И подумала: «Только к Эрлу».

Лара, увлечённая разговором, уже не подметала, а просто махала веником из стороны в сторону.

– Так сейчас какое? – спросил настоятель.

– Что? – удивилась Лара вопросу и собиралась назвать сегодняшнее число (посчитать от даты, которую видела на кухне Эрла), но сразу поняла. – Мне... не могу выбрать. Мне сегодня нравится Мария, Елена, София и Екатерина. Одно нежное, родное, другое величественное, другое мудрое, святое, гласное, а ещё одно как что-то прекрасное и разное сразу в одном.

– Хорошо как, – настоятель ещё раз взглянул на светило.

– А вы не смотрели ещё какие-нибудь имена, новых

не узнали?

– Нет, – замялся настоятель. Он отвёл взгляд на несколько массивных брёвен, служащих подпорками входа в храм.

Ну что же так, удручённо подумала Лара, мои просьбы никто быстро не выполняет.

– Я вернусь, подожди, – сказал настоятель и вошёл в храм. Она услышала, как хрустят под его ногами мелкие камешки.

Лара всегда мечтала, что он однажды подарит ей самое красивое имя. Подойдёт и прошепчет на ухо, только ей. А может так: подарит манускрипт, а там будут записаны все древние имена. И все красивые – выбирай, какое по душе.

Вернувшись в посёлок, она сразу пошла домой, но дойти ей не дала Лара. Подруга, чем-то возбуждённая, подбежала к ней и схватила за руку.

– Пошли, – она больно дёрнула её, потянула. – Кстати, привет.

– Привет. Куда? – испугалась Лара. Еле слышно произнесла: – Фурии?

Подруга обернулась к ней с вопросом во взгляде.

– Нет, какие ещё фурии?

– Никакие, это я так. А куда идти надо?

Лара подчинилась и пошла за ведущей куда-то Ларой.

– Сейчас всё узнаешь. Да не бойся, просто случилось кое-что с ивлевцами этими, и даже не знаем, что делать. Ты где была?

– В храме.

– А, снова эти имена, – Лара в знак пренебрежения повысила голос.

– Да, снова эти имена, – передразнила её Лара, – сегодня я остановилась на Софии. Нравится?

– Нет. Да не в этом сейчас дело. Когда новенькие же вот...

Но Лара не дала ей договорить, она словно забыла, куда её ведут и не интересовалась этим.

– Ты не могла бы меня так назвать? – попросила она.

– Нет.

– Почему? Это сложно?

– Невозможно, – сказала Лара.

– Я же могу.

– А все не могут.

– София – это так просто. София.

– Лара, меняй тему.

– Мне нравится, как красиво оно звучит, я будто сама становлюсь красивой, – впадала в мечтательность Лара.

У водокачки собрался народ. Взоры всех приковал к себе человек, который сидел на штабелях листового железа и смотрел в землю. Больше ничего не происходило.

– Я не понимаю немного, – недоумевала Лара.

Подруга слегка мыкнула и сказала с ухмылкой всё понимающего человека:

– Это знаешь кто?

– Нет, само собой, – Ларе показалось, что над нею насмеются. Именно для этого и привели, обманули.

– Ивлевцы.

– А остальные где? – начала ещё больше не понимать происходящее Лара.

– Вот это они и есть. Тут пересказать сложно. Они-то все были мужчинами и взяли после приезда к нам в посёлок имя Эрл. Так вот, они просто сложили свои деньги в одну сумму и стали одним Эрлом, и эффективность их, вернее – его, теперь около двадцати тысяч. Это для одного человека невозможно, невозможно так. То есть в нашем посёлке он на первом месте по эффективности. Как это получилось, я не знаю.

Лара вспомнила, что Эрл на днях рассказывал о том, что он пытался узнать у ивлевцев причину их перевода в моторемонтный посёлок. Они, по его словам, игнорировали этот вопрос, просто отворачивались и уходили. Никто не мог добиться от них ответа.

В эти дни Лара пришла к выводу, что, возможно, новеньких перевели за провинность, а их посёлок обязали выполнить больший план производства. Она придумала и другую версию, для неё более интересную – их перевели потому, что они не хотели быть как все.

– Правда? – спросила Лара, и все обернулись. Присутствующие поняли, что она обращается к ивлевцу.

Он поднял свой ничего не говорящий взор. Любой мог прочитать в его взгляде: 20 120. Лара посмотрела на его индекс в глазах и увидела, что он и вправду восемнадцать человек в одном, ведь у одного человека не может быть такой

эффективности. Либо он не человек, либо это сразу группа людей.

Ивлевец стал ещё более средним, чем остальные, самым неприметным. Смещение лиц его усреднило, и черты приняли вид идеально симметричных, вырезанных на сверхточном станке.

Лара посмотрела на свою подругу Лару. Та пожала плечами:

– Никто не знает, что делать.

Эрл провожал её до остановки. Хоть работа в ночной смене сильно сказывалась на ней в последнее время, рядом с ним она забывала обо всём плохом. Попыталась внушить ему свои мысли: «Ступай ближе, ближе».

– Обманщики сраные, – ругался и неестественно посмеивался он. – Я им отомщу, вот увидите. Позвоню им и скажу, чтобы приезжали в Экуту. Знаешь, что это за место?

Лара покачала головой. Она думала: «Не увидите, а увидишь». Не обращай ко всем, говори со мной, только со мной.

– Это тот разрушенный посёлок. Вот скажу этому поставщику, чтобы туда подъезжал, а там нет никого. А на бензин он потратится.

Он был сильно раздосадован тем, что поставщик по заказу привёз ему не все свечи зажигания с маленькой резьбовой частью, но взял плату за полный комплект. Эрл не стал пересчитывать, и теперь, спохватившись сутки спустя, обнаружил недостачу.

Лара заметила, что он скрывает сильное разочарование.

– Или пускай, вон, в Ивлево съездит.

Они остановились и одновременно посмотрели друг на друга.

– Эрл, слушай, – она говорила, зная, что эту мысль он точ-

но прочёл, осталось лишь озвучить, – а что, если мы в Ивлево поедем? Съездим сами.

– Не знаю, – в его голосе звучала боязнь, – туда дорогу-то никто не знает.

– А этот Эрл двадцать сто двадцать не скажет?

– Не знаю, вряд ли. Но я попробую узнать. Но я совсем не уверен. Зачем туда ехать?

– Не знаю. Но я как подумаю об этом месте, у меня дух захватывает. Знаешь, бывает такое, внутри прохладно сразу становится.

Эрл постарался увести разговор в другую сторону:

– Я просто так сказал. Но отомстить этому поставщику нужно.

Как уже стало для неё привычно, Лара ехала в пустом автобусе. Как-то раз водитель попытался с ней заговорить, но она избежала знакомства. Нет, Ивлево на севере, это далеко, как я сразу не вспомнила. Пускай он завтра, – твёрдо выговаривала она про себя, – вот именно начиная с завтра, начнёт приближаться ко мне. Хоть на шаг пусть подойдёт. Хоть на полшага. Нужно, наверное, сходить с ним в пустоши погулять. Лучше ночью. Там, в темноте и под звёздами, он станет ближе ко мне. Эрл так расстроен, вот и не вспомнил, что Ивлево на севере и мы туда вряд ли доедем. Ладно, не буду ждать, подарю ему электронного помощника на днях.

«Меня снова отвели в помещение бывшего полицейского участка. По дороге я видела несколько ящиков с боеприпасами. «Мало у них оружия, стольким нас не победишь», – подумала я.

Кабинет был забрызган кровью. Тот же человек, который пытал вчера, сидел на том же месте, в той же форме. Кажется, он живёт в этом кабинете и только и делает, что пытается без перерыва. С ним были двое, которых я вчера не видела. Один постарше, а второй совсем молодой, с нежным светлым лицом. Он был похож на девушку. Главный, который вчера допрашивал меня, вышел вперёд. Его лицо было грубое, с холодными глазами. Он взял тот же список, который я видела вчера. «Назови имя и позывные», – сказал он, и я сразу испугалась. Но я уверенно и твёрдо покачала головой.

«Нет», – сказала я и снова покачала головой. Он кинулся на меня, схватил и поволок на середину комнаты, где стоял низенький стол. Там он поставил меня на колени и перекинул что-то через голову. Я не сразу поняла, но вдруг стало невозможно дышать. Он душил меня солдатским ремнём. Я не чувствовала боли, после вчерашнего избиения я перестала держаться за жизнь. И как я жива, чем ещё жива? Сил сопротивляться не было. Я подняла руку и коснулась ремня, но он был так крепко натянут, что я сразу опустила руку.

И мою шею тоже отпустили. Они, наверное, подумали, что я умираю. Я сама не могла понять, жива я или нет.

Он стал снова спрашивать меня: «Имя, позывные». Начал меня сильно трясти. Я была в его руках как тряпичная игрушка. Они хотели узнать позывные моего любимого, а я старалась забыть их на время: «Мой дельфин». Старалась думать: говори что угодно, но только не эти два слова: мой дельфин.

Меня потащили за волосы по комнате. Мне казалось, что комната в действительности огромная, так долго они тащили меня...»

Эрл не дочитал абзац.

«Теперь двое новичков держали. Главный взял прутья и подошёл к печи в углу. Только сейчас я заметила, что комната отапливается дровами.

Они стали жечь мою грудь прутьями. Я ощутила боль, и силы, покинувшие меня вчера, вернулись. И я стала кричать. Они пытались перекричать меня: «Скажи позывные!» Но я всё кричала, кричала, и мне становилось легче».

Эрл пропустил один длинный абзац.

«Это моя кровь на его руках?»

Дальше он снова пропустил и начал с новой страницы.

«Потом они стали давить мои пальцы в тисках. Видимо, они опасались меня убить и поэтому стали мучить одни мои руки. Силы снова оставили меня, только боль не отпускала, словно всё в мире боль, всё болит.

Повторилось вчерашнее – боль стала исчезать, я перестала её чувствовать. Я видела вокруг всё словно из-под какого-то стеклянного купола, а мир был в лёгком тумане. Руки я почти перестала ощущать, но мои мучители продолжали давить мне пальцы. И я вспомнила, как этими руками гладила по голове братика и любимого, и думала, что навсегда перестану чувствовать руками.

Я понимала, что нельзя им ничего говорить, иначе имя моё будет проклято, имя моих родных. «Ванечка, Игорь, я так вас люблю, – думала я, – как же хочется к вам теперь...»»

Эрл выпрямил шею и почесал затылок.

Солнце клонилось к западу. Он принёс книгу Ларе домой и стал у порога.

– Зайдёшь, может?

– Я... не могу. Мне нужно ещё доделать кое-что, я же на сдельщину перешёл. Так выгоднее выходит. Глядишь, перещеголяю этого Эрла двадцатитысячного по заработку.

– У него вроде двадцать сто двадцать, – поправила Лара.

– Тем более нужно стараться.

Лара кивнула в ответ.

– Всё благодаря твоему подарку, электронному помощнику. Я даже не представляю и не знаю, как тебя благодарить. Он сам настраивает всю электронику. И быстро. Мне только железки остаётся прикручивать.

– Ничего. Не стоит, – она теперь поняла, что так сильно её гложет. Эрл не хотел зайти к ней, переступить порог, и вот

эта разделённость порогом была словно сотни шагов между ними. Она думала, что её подарок пробьёт между ними все барьеры, но он не пробил. Ну и ладно.

– Меня этот двадцать сто двадцать всё равно пугает, – проговорила Лара, не следя за своими мыслями, – ненормально это как-то, когда из нескольких людей одного сложили.

– Знаешь, меня тоже. Да и остальных, наверное. Давай все тоже так сделают?

Лара испуганно на него посмотрела.

– Я не серьёзно, – быстро сказал Эрл.

Лара мельком взглянула на книгу, в которой, она думала, между страницами захлопнулось дыхание Эрла.

– Так как тебе? – спросила она. Может, теперь он её обрадует.

– Как тебе сказать...

Она поняла, что ему не понравилось.

– Я ведь не прихожанин вашей церкви, – оправдывался Эрл. Ему почему-то не хотелось обманывать и говорить, что понравилось. – Мне не совсем понятны эти переживания имени.

– Разве не сильно душу волнует, когда она имена вспоминает, – вдруг воодушевилась Лара, и Эрл вспомнил, что в прочитанной книге боль возвращала девушке под пытками силу. Это его немного смутило.

– Когда она имена вспоминает, – продолжала Лара, – тот момент, когда имена брата и любимого. И ещё когда она это-

го своего любимого вспоминает, так печально. Они ведь там повенчались только месяц назад.

– Эта история с именами задевает тебя, но не меня. А всем нет дела до имён.

– У нас храм, – произнесла она отстранённо.

– Лара, а разве есть разница? Извини, потом обсудим. Я должен идти.

Она коротко кивнула ему вместо прощания. Он ушёл.

Лара стояла у двери и провожала его взглядом. И с той и с другой стороны к нему пытаюсь, а он... Дура я конченная.

Она поглядела на книгу.

– Ну и ладно, – сказала дому и замку́.

В храме прихожанки играли новую пьесу. Драматургия и театральность давно заменили им все обряды. Они часто играли старые, канонические пьесы, но к сегодняшнему дню настоятель достал новую. Никто не мог понять, где он их берёт, ведь пьесы нигде не продавались, как и любая другая церковная литература.

Могли бы просто спросить, да как-то не решались.

По сюжету в первом действии Гитон, протагонист пьесы, уговаривал свою любимую, Катерину, принять с ним вместе осуждение и, возможно, смерть. История происходила в древние времена.

Мужчин в приходе не было, и Гитона играла прихожанка Флора.

Гитон

И выйти на свет ты не хочешь совсем,
Демон упрямства говорит за тебя.
Иль страх сковал твои руки и ноги,
Как мельницу льдом в суровую зиму.

Катерина

Да, страх это, страх, у любого такой
Пред часом суда и яростью люда.

Гитон

Черни нужен козёл отпущения.
Не бойся, нет в мире смерти страшнее,
Но после, в мире ином, лучезарном,
Не будет зависть людская помехой.

Катерина

Для девушек ранних
И для выючных волов.

Лара запнулась. Это были слова из другой пьесы. Её сценическая напарница Флора быстро сообразила и стала читать дальше, будто не заметив ошибку.

Гитон

Ужели дороже касаний моих,
Ночей, проведённых в сцеплении тел,
Дороже признаний, прошедших страстей,
Жизни пустой одно время пустое.

Катерина

...

Лара не знала, что сказать. Она глубоко вздохнула и опустила плечи, посмотрев на сестру лишёнными блеска глазами.

После представления настоятель разрешил всем рисовать и раздал бумагу с красками. Лару он подозвал к себе.

– Поможешь мне? – он жестом указал ей направиться в отдалённую часть храма.

На полпути они остановились.

– Катя, что с тобой? – спросил он участливо.

– Я не знаю. Не могла погрузиться сегодня в происходящее, – ответила Лара.

– Что-то случилось?

Она не ответила и закусила губу.

– Не понравилась пьеса? – спросил настоятель.

– Нет, пьеса хорошая, – сказала она, но ей стоило огромных усилий перебороть себя, так хотелось сказать, что да, пьеса плохая, обидеть его старания и упиться его разочарованием.

– Ничего не случилось, – добавила она. – Ничего, так.

– Ничего или так? – пытался настоятель достучаться до неё.

– Просто я хотела... – Лара прервалась. – Сейчас.

Она отошла и наклонилась к своей сумке.

– Знаете, я верну вам «Память героев». Мне пока не нужно.

– Пусть будет у тебя, – сказал настоятель.

– Нет. Вдруг другим понадобится. Мне пока не нужно. Я точно не буду перечитывать в ближайшие недели.

Она протянула ему книгу, но он не взял и просто смотрел на неё. Зачем она так настойчиво от неё избавляется, подумал он.

Они молчали. Всё же он взял книгу. Решил больше её ни о чём не спрашивать.

– Мне нужно уйти пораньше, – попросила Лара, понимая, что не контролирует себя и должна быстрее уходить, пока не сказала чего-нибудь жестокого. – Я вот хотела спросить, – начала она, – а пьесы, они откуда? Где вы их берёте? Вот ту старую, про фурий, например, – она точно знала, что сейчас он ей ответит.

– Один друг привозит.

После смены не очень устала. Утро вовсю развернулось, но сон был потревожен желанием. Ни о чём не думала, кроме него. Луна, что ли, так действует. «Так хочется к тебе», – она вспомнила строчки из «Памяти героев». Когда же настанет день и барьеры между нами перестанут существовать? Вот кажется иногда: всё плохое пройдёт, нужно только ждать, а потом резко понимаешь, осознаёшь, переживаешь, что этого не будет никогда. Как палкой перешибёт. Книга моя любимая тебе не понравилась, и пьесы будут тебе не интересны. Никогда не будет такого, чтобы мы пошли гулять ночью по пустоши. Я просто повторяю всё это по многу раз, чтобы жизнь реальная вконец не опротивела. Я вот думала о силе мысли, но почему ничего, ничего из того, чего бы я возжелала, не происходит. Даже случайно или само собой. А ближе ты так и не подходишь. И имя моё, настоящее, не эти проклятые условности, тебе не интересно. Не хочется такой любви, легче вовсе не любить. Больше переносить всё это не могу, уже любые мечтания мучают. Наверное, это самое мучительное, когда в тебе есть что-то хорошее, но поделить-ся не с кем.

Щенок подбежал и старался затеять игру, но Ларе не стало радостнее. Она подошла к столу и стряхнула две хлебные корки на пол. Пускай щенок съест. Нужно обратить в доме, ос-

новательно убрать.

Она почувствовала, замерев, гулкую тишину, такую, что становилось тяжело дышать. Поняла, что тихо уже не первую минуту, и удивилась. Тревога пошла по телу. Что могло случиться, почему так? Но догадалась: все ангары и ремонтные гаражи не работают, остановились почему-то.

Она вышла во двор. Стояло мягкое утро. Точно – повсюду тишина. Одна листва шелестит, да слышно, что люди бродят. Лара пошла на шум, к парку мотоциклов. По дороге ей встретилась знакомая с работы, Лара.

– Здравствуй. А что такое, почему всё остановилось?

– А, здравствуй. Говорят, мусор какой-то из посёлка сегодня выносят, накопился, – ответила знакомая.

Сказав это, она пошла в сторону главных ворот. Лара, немного подождав, направилась за ней. Она замечала, что многие покинули свои дома и направляются туда же. В утреннем воздухе, чем ближе она подходила к главным воротам, тем больше летало мелких бумажных ошмётков, словно кто-то разорвал на куски целую библиотеку. Необычно как, думала Лара, откуда взяться тут книгам. Она предположила, что кто-то свалил около их посёлка ненужную стопу книг и теперь все их рвут на части. Она заторопилась.

У ворот Лара увидела, что книг нет, только кучи мелкой порванной бумаги дрожат и взметаются на ветру. Похоже, как общипали стаю цыплят. Она подошла и взяла в руку целую жменю – лёгкая, как пух. И тёплая.

Тогда она поняла, что из посёлка выбрасывают обрывки ивлевца.

Из ладони бумага выпала на землю и рассыпалась: какие куски упали камнем, какие отнесло ветром.

Лара быстро отошла от этих кучек и направилась домой.

Понятно теперь: его разорвали на куски. Разорвали, растерзали, разодрали. Но зачем, почему он – козел отпущения? Что он этим отпустил?

Мимо неё прошла девочка, смотревшая не перед собой, а под ноги. Но когда заметила тень Лары, подняла взор и испугалась. Лара не увидела этого и продолжала идти спокойно.

Ей стало немного легче, словно убили страшного зверя, пугавшего всю округу.

В тишине рядом с домом думалось легче. Она стала понимать яснее некоторые моменты: Эрл не идёт на сближение из-за одного случая. В этом виноват тот путник и то, что потом случилось. Путника прогнали, и никто другой, – конечно, никто другой, – кроме Эрла, не мог поступить так великодушно, что решил отнести ему арбуз. Я ведь тогда могла это понять: у него на столе были ягоды и фрукты к завтраку. Но потом благородство, пока он нёс арбуз, потерпело поражение от солидарности с остальными, и это заставило его разбить арбуз. Из-за этого случая окончательно восторжествовало зло и равнодушие в его душе. Оно, это равнодушие, победило, стало сильнее. Я теперь поняла: у меня та-

кой большой шанс сблизиться с ним. Ему в действительности я не противна, ему всё равно. Чтобы Эрл был со мной, мне нужна эта фикция – быть частью всеобщего целого. Мне нужно быть не Елизаветой и не Серафимой, а именно Ларой, одной из всех, тогда он станет ближе. Жалко, что отдала настоятелю книгу, вот сейчас бы перечитать. Если бы она меня не тронула, то я бы точно решилась.

Её сильно взволновали эти мысли. Вспомнила, как в детстве спрашивала у Лии, своей воспитательницы-матери, зачем она ходит в какой-то непонятный храм. «Чтобы тебя Всевышний мог записать в летопись века. Ты же перед Вратами Рая какое имя назовёшь?» – объясняла Лия. Но это воспоминание не разубедило её и не успокоило. Выходит, сегодня единственный день, когда смогу отказаться. Нужно попробовать.

Настоятель понимал, что она приехала сегодня, в неприходской день, не просто так. Он разговаривал с ней нерешительно.

– Но твоё имя тогда будет стёрто со скрижали храма. Это временно?

– Думаю, да. Пускай. – Лара старалась держаться твёрдо.

– Я сотру, раз ты хочешь. Но сможешь ли ты потом к нам вернуться? Не втянет ли тебя это навсегда?

– Нет. Сотрите, – сказала она с нажимом на последнее слово.

– Меня пугает мысль, что раз отказавшимся почти невоз-

можно вернуться к нам. Труднее, чем тем, кто тут ни разу не был. Я волнуюсь всё же.

– Нет, не втянет, – тщательно выговаривала Лара.

Настоятель слышал обдуманность и решительность, почти невозможно было сопротивляться.

– И почему ты так уверена?

– Я поняла кое-что. Они сегодня утром разорвали одного жителя... – Лара прервалась, чтобы угадать реакцию настоятеля. Он замер.

– Ивлева, – продолжила она, – он собрал себя сам из пары десятков других. Они не могли бы разорвать этого несчастного, если бы они были единым целым, настоящим. Он же тоже был с ними. Я поняла, это обман. Коллективного сознания не существует.

И, помолчав, подытожила:

– Вот как.

– Почему в городе тишина до сих пор? Никто с того дня не пытается работать.

– Да. Хотя открыли... открыли пару ангаров, но это бесполезно, – заплетался Эрл. Он был немного пьян и говорил чуть не плача. – Мы теперь обречены. Мне тут один старичок сказал, с отопительной, что в Управе уже знают. Ты думала, почему к нам вот никто не едет ремонтироваться? Да, все всё знают. Наверное, это такое умение коллектива – ничего не можем скрыть друг от друга.

Лара осматривала его рабочее место: промасленные перчатки, съёмник подшипников, баллончик «жидкого ключа», домкрат, инструменты, которые она знала с детских лет.

Ангар пустовал, никого, кроме них двоих, тут не было.

– У тебя есть хоть какие-нибудь мысли?

В ответ Эрл молчал. Он пил что-то из бутылки.

– Мысли какие-нибудь имеются? – спокойно переспросила Лара. Он не ответил. Тогда она ответила сама себе:

– Нужно думать, а не просто ждать.

– Я всё продал. Я думаю, что нужно повысить индекс эффективности как можно больше. Теперь... – он отпил. – Да, они могут! Могут сократить не всех. Сократят тех, у кого индекс меньше самого маленького. Либо да, либо нет. Хотя я с современными законами не очень дружу.

Лара теперь ничего к нему не чувствовала, и это не было для неё странным. Вот он пьёт что-то, а ей не хочется пригубить горлышко бутылки.

– Я продал электронного помощника, чтобы ещё больше денег было и индекс повысился.

Лара посмотрела на него.

– Тебе не кажется, что ты поступил плохо? – нашла она твёрдость в своём голосе. Но тут же отвернулась и посмотрела на вечер за окном.

Он не ответил, только отпил.

– Я не думаю так, – сказал он тихо, в интонации извинения.

Она продолжала наблюдать за вечером.

– Я не думаю так, – проговорил он громче, в интонации утверждения.

– Не важно, – прошептала она в окно, словно всем на свете.

Эрл выпил. Губы и горло Лары отчего-то сохли, будто Эрл с каждым глотком высушивал её.

– А помнишь, – сказала Лара туда же, в окно, – как мы с тобой... Ты палец себе распорол, а я тебя лечила. В детстве. Ты порезался, когда первый мотоцикл свой учился собирать.

Голос её был выражен той глухотой и пустотой, с которой отвечает на удар пустой пластиковый бидон.

Эрл ничего не сказал. Она посмотрела на него, и ему стало ужасно совестно от этого воспоминания, как только бывает

совестно пьяному человеку.

– А сколько у тебя, какой индекс? – спросил он.

Лара посмотрела ему в глаза.

– Пять два ноль шесть. Это мало очень, – сказал он словно захлёбываясь.

Она глубоко вздохнула.

– Ты только не забывай, – вдруг со злом сказала она, – что я не была со всем коллективом тогда. Я ведь в этом не принимала участия, или ты думаешь, что только от праздников я отстранена была? Думаю, что Управа это знает. Как бы она всех вас не сократила, а сбережения ваши не отдала мне. Я-то теперь одна такая, вовремя ко всем пристроилась. Думаю, лучше найти всем вам другой способ оправдаться, чем копить деньги к приезду Управы. Шансы у вас, ребята, со всем... Назвать их совсем мизерными даже не могу.

Её губы раздвинулись в улыбке.

Он посмотрел на неё несчастными глазами. Но для неё это был другой Эрл, безразличный ей.

– Ты, никак, решила меня учить?

Он старался сам отреагировать злом на зло.

– Нет.

Лара взяла с рабочего стола какую-то никелированную деталь и покрутила её в руках, словно ловя солнечного зайчика, хотя солнце давно зашло.

– Плохо это, – заметил Эрл как бы о всём-всём сразу.

– Ладно, я пойду, – она быстро бросила деталь на пол и,

пока Эрл невольно смотрел за её падением, отскоком в сторону, хлопнула дверью.

Эрл не окликнул её. Убрал стул, который он поставил ей и на который она так и не присела. Он подождал, пока пройдёт время, необходимое, чтобы далеко уйти, и вышел из ангара. Наступили сумерки. Он достал кошелёк. У него было столько денег, что он мог бы поделиться с кем-нибудь без существенного риска для своего индекса. Но эта мысль в последние дни стала для него невозможной.

Он пошёл в сторону соседнего ангара. Навстречу шёл его друг Эрл.

Лара заходила куда-то между ангарами, пробиралась по труднопроходимым задворкам. В который раз бродила тут? Не вспомнить. Встретился какой-то незнакомый человек. Он прошёл очень близко, потёрся рукавом о её плечо, но не обратил на Лару никакого внимания.

В одном из сложных поворотов, ведущих к тупикам, метался дневной, прогретый солнцем ветерок, – он не мог совершить крутой разворот или оттолкнуться от стены, чтобы выбраться из этой западни. Ветерок сразу спрятался Ларе под одежду, и её немного погрело его воздушное тепло, пока она прошла трудный участок. Когда вышла к прямым и широким улицам, он вырвался и улетел.

Стало прохладней. Захотелось постоять у огня. В обозримом пространстве костров не жгли. Лара остановилась, огляделась и поняла, где сейчас находится. Рядом с ней, под за-

бором, в свете фонаря лежал труп кошки. В мёртвом теле кишели черви, как лужа под дождём.

Она отвернулась и пошла по направлению к своему дому, хотя и туда ей идти не хотелось.

Кто-то свистнул громко и близко. Она оглянулась, посмотрела по сторонам – кругом ни души. Ветерок притащил украденный у кого-то платок – в благодарность за помощь.

Быть частью коллектива или одиночкой, – она не ощущала особой разницы. Появилась лёгкость, словно до предела выдохнула всю тяжесть из себя. Но всё-таки ей стало немного хуже. Она поняла, что Эрла больше не любит. Это её не удивило, не расстроило и не обрадовало. Сама же хотела. К судьбе богатого Эрла-ивлевца относилась равнодушно. Но почему-то она не была напугана тем, что приедет Управа и всех сократят и погубят. Я слишком безразлична, подумала она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.